

«Трудный штрек»

Иван Купреевич Масляников – шахтёр. Если говорить более конкретно о его специальности – проходчик. Бригадир проходчиков. Точнее – бригадир комплексной проходческой бригады. Здесь опять-таки надо сделать ещё одну оговорку: проходчик, состоящий в такой бригаде, не просто проходчик. Он ещё бурильщик. И взрывник. И крепильщик. И вентиляционные трубы он сам навешивает. И транспортёр наращивает.

Тысяча, в общем, у него дел. И одно важнее другого. И труднее. Мне не раз приходилось спускаться в донецкие шахты, и когда я познакомился с Масляниковым, очень, признаться, хотелось услышать от него рассказ о каком-нибудь «переплёте», в который он попадал. Иван Купреевич улыбнулся:

- Вот всегда так – то Донбасс, то Кузбасс вспоминают, мол, там – да, там – шахты, а здесь, в Сланца, так себе. И глубина не та, и всё не то. Нет, уголь я не добывал. На глубоких горизонтах не работал, в обвал не попадал. Пронесла как-то. Закончил в сорок седьмом ремесленное и пришёл на первую шахту. Почти двадцать лет назад.

Двадцать лет. Изю дня в день надо приходиться на наряд, переодеваться, спускаться в шахту, сделать своё дело, подняться на-гора, помыться в душевой – и домой. Двадцать лет – одно и то же. Это надо уметь, потому что шахта всегда оставалась шахтой, а шахтёр всегда оставался шахтёром, несмотря на то, что его труд сегодня не похож на тот, каким он был десяток лет назад.

У шахтёра нет неба над головой. Но зато есть кровля. Только надо, чтобы она была прочной, не осыпалась. Значит, требуется закрепить её так, чтобы не один голыш не свалился на каску. И будет крыша. Нет воздуха, бывает, что газы попрут из всех щелей. Значит, нужно вовремя тянуть вентиляционные трубы, следить за ними – и тогда будет воздух.

И ещё проходчики должны идти быстро. Быстрее, чем горнорабочие, ибо если проходчик не откроет достаточный фронт работ, то и остальным шахтёрам делать будет, в общем-то, нечего.

Эту прописную для любого горняка истину Иван Масляников познал каждым своим мускулом в первые же дни. На северо-западном крыле шахты сложилась тяжёлая обстановка. Фронт работ был исчерпан. Горнорабочие очистного забоя дошли до тупика: порода и сланец выбраны, вывезены на-гора, впереди под мутными лучами шахтёрских ламп стояла стена. Штрек кончился.

Надо было быстро разрезать его, этот второй вентиляционный штрек. Очень тяжёлый штрек. Все каверзы, называемые геологическими нарушениями, - газ, вода, глина – здесь скопилось вместе, и никто не хотел, а многие не могли устоять против этих стихий. Пришла одна бригада, отработала смену и ушла. За ней ещё две бригады в течение суток спустились на юго-запад. Пробурили шпур, заложили взрывчатку, взорвали, или, как здесь говорят, опалили, забой – и тоже выехали на-гора.

Бригада Ивана Масляникова была четвёртой. Она спустилась в шахту. Свет ламп выхватил из темноты глыбы пород, брошенные лопаты, порожние вагонетки, стоявшие неподалёку. Бригадир первым взял в руки лопату. Нужно расчистить штрек, закрепить взорванное пространство, настлать десяток-другой метров подъездных путей, загрузить вагонетки и потом уже идти дальше.

Неимоверно трудно. Но они спустились в шахту и на следующий день, а потом ещё на следующий... Так было тридцать дней подряд.

За один месяц бригада Масляникова выполнила три месячных плана: вместо сорока метров горной выработки проходчики дали 123 метра на практике доказали, что и в Сланцевском бассейне можно продвигаться под землёй быстрее.

Это было рождение не только проходческого рекорда, не только рождение нового бригадира. Это было нечто большее. И это нечто – уверенность, которую рекорд бригады Масляникова вселял в людей: можно открывать новые горизонты быстрее. Я не знаю, считать ли это заслугой бригады или того начальника шахты, который рискнул направить молодого бригадира на ликвидацию тяжёлого прорыва, в самое пекло, но факт остаётся фактом – когда на первой шахте возникают трудности, с той поры почему-то всегда обращаются к Масляникову: надо, Иван Купреевич.

И Масляников понимает, как следует поступать, когда говорят «надо»: спускаться с бригадой в трудный штрек.

Впрочем, лёгких штреков не бывает. Нет их в природе вообще. Вся штука в том, чтобы к трудным штрекам не прибавлялись иные трудности. Чтоб не было в бригаде лентяя, любителя проехаться на чужом горбу, чтоб рядом чувствовалось плечо напарника. В шахте не говорят – локоть. Говорят – плечо. У плеча площадь соприкосновения с другим плечём больше, чем у локтя.

Когда же это было? Кажется в тот период, когда осваивали новые механизмы, когда проходчики могли спокойно забыть о лопате, о навале в вагонетки, когда, наконец, появилась возможность не наращивать узкоколейку. В штрек пришла новая техника. Теперь действует погрузочная машина. Она навалит горную массу на скребковый транспортёр, который доставит её на ленточный, а оттуда вся масса попадёт в вагонетки.

Правда сначала с этими транспортёрами намучались изрядно.

Транспортёр, особенно скребковый, в первое время не шёл. Нарращивать его не умели, цепи и отдельные секции заправлять, делать натяжку тоже не могли. Теперь иное дело: бригаде нужен час для наращивания транспортёра, а раньше на это дело уходила смена. И кто знает, как бы шло дело, если бы не спаянность бригады.

Освоили технику и подземные скороходы Ивана Масляникова пошли вперёд быстрее. В один из месяцев бригада достигла самой высокой в Сланцевском бассейне производительности труда – на одного проходчика сорок пять метров горной выработки. И сейчас пройти в месяц триста метров штрека для бригады – не ахти какой успех (вспомните, что рекорд этой же бригады равнялся в своё время ста двадцати трём).

Это в месяц. А Масляников уже почти двадцать лет идёт подземными дорогами. Представляете, сколько километров уже позади? И каких километров!

А где-то глубоко под землёй и сейчас, наверное, открывает новые горизонты бригада Ивана Масляникова...